

*Так уж вышло, что в этой книге
много говорится об отцах,
поэтому посвящаю ее своему отцу,
Тони Гэблдону, который тоже любит
рассказывать истории*

КНИГА 1

На пороге неизведанного

ПРОЛОГ

Я не боюсь призраков. В конце концов, они всегда рядом. Смотрю в зеркало — в ответ глядят глаза матери. На губах — улыбка прабабушки, соблазнившая прадеда, благодаря чему потом, в итоге, и появилась я.

Так зачем же мне страшиться касаний бесплотных рук, исполненных необъяснимой любовью? Зачем мне робеть перед теми, кто меня породил, заложил в мою плоть частичку себя?

Еще меньше пугают те, кто мимолетно касается разума. Любая библиотека полна ими. Возьму книгу с пыльной полки — и тут же окажусь в плену мыслей людей, давно умерших, но как никогда живых на шелестящих страницах.

Они, такие родные, совсем не похожи на духов, что не дают нам ночами спать. Оглянись, поднеси свет, разгони тьму. Прислушайся к эху шагов за спиной, когда идешь в одиночку.

Призраки все время витают вокруг, проносятся сквозь нас, скрываются в будущем. Из зеркала, сквозь годы, смотрят тени чужих лиц. В пустых дверях застывают зыбкие фигуры. Своей кровью, своим выбором мы создаем призраков. Мы сами себя мучим.

Всякий призрак приходит незванным из туманных земель грез и тишины. Умом мы понимаем: «Нет, такого не бывает». А нечто другое, древнее, шепчет из темноты: «Да, но может?..»

Наше появление и смерть окутаны тайной, а в промежутке мы пытаемся забыть наших призраков. Однако иногда по комнате пролетает ветерок и нежно ерошит мне волосы. Наверное, это моя мать.

ЧАСТЬ 1

О дивный новый мир

Глава 1

ВИСЕЛЬНИК В ЭДЕМЕ

Чарльстон, июнь 1767 года

Бой барабанов стал слышен задолго до того, как показались солдаты. Грохот отдавался у меня внутри, словно там, под кожей, тоже пустота, и несся над толпой — жесткий, военный ритм, который должен заглушать и гомон, и выстрелы. Люди замолкали, поворачивая головы к Ист-Бей-стрит, тянущейся от недостроенной таможни до Уайтпойнт-парка.

В этот невыносимо жаркий день, какие даже в июне здесь редкость, лучшие зрительские места были на дамбе, где дул хоть какой-то ветерок. А тут, внизу, люди рисковали спечься заживо. Платье на мне вымокло насквозь, хлопковый корсаж прилип к груди. Я в десятый раз за столько же минут вытерла пот с лица и приподняла тяжелые волосы. Может, так шея хоть чуть-чуть остынет?..

Шея... Кстати, о виселице. Я неосознанно обхватила ладонью основание своей шеи. Под пальцами, в сонной артерии, в такт барабанам бился пульс. Горячий, влажный воздух застревал в горле, словно ком.

Я быстро опустила руку и как можно глубже вдохнула. Зря... Мужчина передо мной, наверное, с месяц не мылся. Край шейного платка темнел от грязи, а от одежды несло плесенью слишком резко даже в потной толпе. Аромат свежего хлеба и запах горячего свиного жира с прилавков смешивался с вонью гниющих водорослей, и облегчение приносил только просоленный ветерок из гавани.

Дети глазели по сторонам, временами выбегая из тени дубов и карликовых пальм, чтобы посмотреть, что же там, в конце улицы, а встревоженные родители звали их обратно. У девчонки, что стояла ко мне ближе всех, шея была тоненькая, хрупкая, словно стебелек.

Толпа возбужденно загомонилась: появилась процессия. Бой барабанов стал громче.

— Где он? — бормотал Фергус, тоже вытягивая шею в ту сторону. — Как знал, что надо было с ним идти!

— Придет.

Хотелось встать на цыпочки, однако я не рискнула — это как-то унижительно. Впрочем, я все же оглянулась. Джейми легко различить в толпе: он вышшеается над всеми почти на голову, а его волосы отливают в лучах солнца красноватым золотом. Но Джейми я не увидела — только качающееся море чепчиков и треуголок, спасавших от жары тех, кто пришел, когда все места в тени уже заняли.

Сперва мимо возбужденной толпы пронесли знамена Великобритании и королевской колонии Южной Каролины. Затем еще одно — с фамильным гербом местного губернатора.

Затем появились барабанщики. Парами, нога в ногу, выбивая палочками медленный, неумолимый ритм. Безжалостный бой барабанов заглушал прочие звуки.

Следующими показались солдаты в красных мундирах, а между ними — осужденные. Все трое брели со связанными спереди руками. Кольца железных ошейников соединяла цепь. Первый узник, пожилой и ободранный человек, шатался настолько, что священнику в темных одеждах пришлось схватить его под руку.

— Это Гэвин Хэйз? Он не здоров? — пробормотала я, обращаясь к Фергусу.

— Он пьян, — раздался тихий голос.

Я рывком обернулась. Рядом стоял Джейми, не сводя глаз с жалкой процессии.

Из-за едва держащегося на ногах старика движение стопорилось. Прикованные к нему узники сбивались с шага, пытаясь не упасть. Как будто три пьяницы тащатся домой из ближайшей таверны; совсем не под стать мрачной торжественности всего действия. Сквозь бой барабанов прорывались крики и насмешки зрителей, высыпавших на кованые балконы домов.

— Твоя работа? — поинтересовалась я тихонько, чтобы не привлечь внимание. На самом деле я могла орать и размахивать руками — люди не отрывались от разыгравшейся посреди улицы сцены.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейми пожал плечами.

— Выполнил его просьбу. Больше ничем не мог помочь.

— Бренди или виски? — любопытствовал Фергус, оценивая Хэйза наметанным глазом.

— Он шотландец. — Джейми говорил спокойно и не менялся в лице, но я расслышала в его голосе напряженные нотки. — Виски, конечно.

— Мудро. Если повезет, то вообще не заметит, как его вздернут, — пробормотал Фергус.

Старик выскользнул из хватки священника и шлепнулся лицом вниз на пыльную дорогу, из-за чего второй узник рухнул на колени. Третий же, высокий молодой человек, устоял, но зашатался, отчаянно пытаясь удержать равновесие. Толпа взвывала от восторга.

Лицо капитана охраны, в обрамлении белого парика и металлического горжета, пылало от ярости и жаркого солнца. Он пролаял приказ, и солдат по-

спешно снял с приговоренных общую цепь. Еще двое красных мундиров грубым рывком поставили Хэйза на ноги, и процессия, восстановив подобие порядка, двинулась дальше.

Усмешки стихли, когда она подошла к виселице — запряженной мулами подводе под сенью огромного дуба. Барабанная дробь отзвывалась дрожью земли. Меня слегка тошнило от жары и вони. Дробь резко смолкла. В ушах зазвенела тишина.

— Не смотри, саксоночка, — прошептал Джейми. — Ступай к фургону.

Сам он, не мигая, глядел на Хэйза. Тот шатался в руках солдат и что-то бормотал, потерянно озираясь.

Смотреть мне, конечно, совсем не хотелось. Однако оставить Джейми одного я тоже не могла. Он пришел ради Гэвина Хэйза, а я — ради него.

— Нет.

Я коснулась руки Джейми. Он расправил плечи, а потом шагнул вперед, чтобы его уж точно было заметно в толпе. Если Хэйз еще в состоянии что-то видеть, то последним перед его глазами окажется лицо друга.

Хэйз отчаянно крутил головой, высматривая кого-то, пока его поднимали на подводу.

— *Gabbainn! A charaid!*¹ — крикнул Джейми.

Гэвин тут же уставился на него и замер, покорный судьбе. Он лишь слегка покачивался, пока зачитывали приговор за кражу шести фунтов и десяти шиллингов. Лицо старика покрывала красноватая пыль, на седой щетине блестел пот. Проповедник быстро зашептал что-то Гэвину на ухо.

Вновь зазвучали барабаны, выводя ровную дробь. Палач перекинул петлю через лысеющую голову осужденного и затянул. Узел оказался ровно под ухом. Капитан стражи поднял саблю.

Хэйз вдруг выпрямился и, впившись взглядом в Джейми, открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Сабля сверкнула в утреннем солнце, и дробь оборвалась.

Я смотрела на Джейми — он побелел как мел, неподвижные зрачки расширились, — но краем глаза все равно видела едва заметно подергивающееся тело. Резко запахло испражнениями.

Стоявший с другой стороны от меня Фергус наблюдал за казнью бесстрастно.

— Наверное, все-таки заметил... — пробормотал он с сожалением.

Мертвец слегка покачивался, натянув веревку. Толпа вздохнула с ужасом и облегчением. В пылающем небе кричали крачки, доносились звуки гавани, приглушенные тяжелым, загустевшим от жары воздухом. Однако здесь царила тишина. Настолько, что я слышала «кап... кап... кап...» — это стекали капли с башмака трупа.

¹ Гэвин! Друг! (*гэльск.*). (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

Я не знала Гэвина Хэйза лично, поэтому не приняла его смерть близко к сердцу. Но хорошо, что все случилось быстро. Я мельком, словно исподтишка, глянула на старика. Нечто столь личное не должно происходить на публике, и мне стало немного стыдно, что я смотрю.

Палач свое дело знал. Приговоренный не дергался в петле, не таращил глаза, не вывалил язык, как бывает при удушье. Маленькая голова Гэвина висела под странным углом — шея была сломана.

Все удалось как нельзя лучше. Причем не только казнь. Капитан стражи, удостоверившись, что Хэйз мертв, жестом приказал подвести следующего... как вдруг взгляд его прошелся по солдатам в красных мундирах, а потом полыхнул яростью.

В ту же секунду в толпе раздался крик, и люди возбужденно загалдели. Они толкались, тянули головы, лишь бы увидеть... пустое место.

— Исчез!

— Вон он!

— Держи его!

Высокий молодой человек — третий осужденный — ухитрился сбежать: он проскользнул мимо стражи, чье внимание приковала к себе виселица. Смерть Гэвина стала его шансом спасти свою жизнь.

Что-то мелькнуло за прилавком торговца — грязная светлая шевелюра. Несколько солдат рванули в ту сторону, но остальные носились туда-сюда, и в суматохе беглеца упустили.

Капитан стражи яростно орал приказы, однако в суматохе его почти не было слышно. Красные мундиры торопливо пытались кое-как восстановить строй. Оставшегося узника, совершенно ошеломленного, повели обратно к казармам.

Обхватив за талию, Джейми потащил меня прочь от людского моря. Толпа отступала под натиском солдат, которые под командованием мрачного сержанта строем отправились на поиски беглеца.

— Надо найти Иэна, — сказал Джейми, огибая толпу возбужденных подмастерьев. Он глянул на Фергуса и мотнул головой в сторону виселицы. — Забери тело, лады? Встретимся потом в «Плакучей иве».

— Как думаешь, его поймут? — спросила я.

Мы проталкивались сквозь толчею вдоль мощеной аллеи к торговым пристаням.

— Ага. Куда ж ему бежать? — рассеянно отозвался Джейми, хмурясь. Очевидно, все его мысли по-прежнему занимал мертвец, для живых там места не было.

— У Хэйза есть родня?

Джейми покачал головой.

— Я спрашивал, когда принес виски. Может, брат и остался в живых, только где он — неизвестно. После восстания его перевезли в... Вирджинию, по словам Хэйза, и с тех пор ни слуху ни духу.

Неудивительно. Раб не имел возможности общаться с семьей в Шотландии, если, конечно, поручитель не был так любезен, чтобы отправить от его имени письмо. И оно вряд ли дошло бы к Гэвину Хэйзу, который десять лет провел в Ардсмурской тюрьме, прежде чем и его сюда перевезли.

— Дункан! — позвал Джейми.

Высокий тощий мужчина обернулся и вскинул ладонь — узнал. Он, как штопор, прошел сквозь толпу, расталкивая людей единственной рукой.

— Макдью, — кивнул он, здороваясь с Джейми. — Миссис Клэр...

На узком лице Дункана отразилась скорбь. Он тоже когда-то был узником той тюрьмы, вместе с Хэйзом и Джейми. Ему «повезло» потерять руку из-за заражения крови, иначе его тоже перевезли бы с остальными. Однорукого работника никому не продашь; Дункана помиловали и отпустили на волю — умирать от голода, пока Джейми его не разыскал.

— Упокой Господь душу бедного Гэвина, — печально покачал головой Дункан.

Джейми пробормотал что-то по-гэльски и перекрестился. Затем расправил плечи и с видимым усилием стряхнул с себя скорбь.

— Ладно. Пойду в порт договариваться насчет Иэна, а потом разберемся с похоронами Гэвина. Сперва нужно пристроить парня.

Мы вновь пошли сквозь толпу, протискиваясь между возбужденными сплетниками и стараясь не попасть под колеса громоздких телег.

Неподалеку от причала отряд красных мундиров бодрым маршем разрезал толпу. Солнце раскаляло блестящие штыки, а солдатские сапоги выбивали ровный ритм, что доносился как приглушенный барабан. Даже грохочущие телеги мигом уступали им дорогу.

— Придерживай карман, саксоночка, — шепнул Джейми, втискивая меня в узкое пространство между рабыней в тюрбане, которая прижимала к себе двух малышей, и уличным проповедником. Взгромоздившись на ящик, проповедник вещал о грехе и покаянии, но в общем гаме его было слышно через слово.

— Он защит, — успокоила я Джейми, тем не менее проверила, на месте ли содержимое кармана. — А твой кисет?

Усмехнувшись, он сдвинул шляпу на лоб и прищурился.

— Там, где был бы спорран, которого у меня, увы... Так что, если мне не попадется какая-нибудь шустрая блудница, я в безопасности.

Я глянула на штаны, слегка выпирающие спереди, потом окинула взглядом всего Джейми — широкоплечего, высокого, с мужественным лицом и горделивой осанкой горца. Даже теперь, когда сияющие волосы скрывала синяя треуголка, он все равно привлекал внимание встречных женщин. Слишком узкие штаны, которые он одолжил, никак не мешали Джейми производить впечатление, о котором он сам ни капли не догадывался. Очаровательно.

— Да ты ходячий соблазн для блудниц! — фыркнула я. — Не отходи далеко, я буду тебя защищать.

Он хохотнул и за руку отвел меня на свободный клочок улицы.

— Иэн! — крикнул Джейми, заметив в толпе племянника.

Через миг к нам подскочил высокий паренек. Он отбросил с глаз каштановые волосы и широко улыбнулся.

— А я уж думал, что никогда не найду тебя, дядюшка!.. Боже, столько тут народу, больше, чем на рынке в Эдинбурге! — Мальчишка вытер длинное неказистое лицо рукавом, размазывая грязь по щеке.

Джейми неодобрительно на него покосился.

— Что-то ты неприлично радостный, Иэн, уже забыл про казнь, что ли?

Племянник попытался изобразить должную печаль.

— Нет-нет, дядя Джейми. Я не был на казни..

Дункан вскинул бровь, и мальчишка слегка покраснел.

— Я... я не побоялся, честно. Просто... хотел кое-что сделать.

Джейми похлопал его по спине.

— Не волнуйся. Я бы тоже не стал смотреть, но Гэвин был моим другом.

— Знаю, дядя. Мне жаль. — В больших карих глазах Иэна мелькнуло сочувствие. — Страшно было, тетушка?

— Да. Так или иначе, теперь все кончено. — Я вытащила из корсажа влажный платок и, стоя на цыпочках, вытерла щеку Иэна.

Дункан Иннес с сожалением покачал головой.

— Бедняга Гэвин. Впрочем, уж лучше быстрая смерть, чем сдохнуть от голода. А другого ему и не оставалось.

— Пойдемте, — скомандовал Джейми, не желая тратить время на бесполезную скорбь. — «Красавица Мэри» стоит где-то у дальнего края причала.

Иэн подобрался, словно хотел что-то сказать, но Джейми уже зашагал дальше сквозь толпу. Поэтому мальчишка глянул на меня, пожав плечами, и предложил мне руку.

Мы проследовали за Джейми мимо торговых складов, стараясь не сталкиваться с матросами, грузчиками, рабами, пассажирами, покупателями и торговцами всех мастей. В Чарльстоне располагался огромный порт, и торговое дело процветало. В месяц сюда входили сотни кораблей из Европы, и столько же отправлялось обратно.

«Красавица Мэри» принадлежала другу кузена Джейми, Джареда Фрейзера, который когда-то отправился во Францию и сколотил там целое состояние на вине. Если повезет, капитан корабля согласится взять Иэна с собой в Эдинбург, а дорогу мальчик отработает в качестве юнги.

Иэна такой расклад не радовал, но Джейми и слышать ничего не хотел. Блудный племянник должен был вернуться в Шотландию при первой же возможности. Поэтому (и не только), едва заслышав о «Красавице Мэри», мы прибыли сюда из Джорджии, куда попали — по чистой случайности — два месяца назад.

Из дверей таверны показалась неряшливо одетая прислуга. Заметив Джейми, она замерла, прижимая бадью с помоями к бедру, и сложила губки бантиком. Однако Джейми прошел мимо, не обратив внимания, — слишком сосредоточился на своей цели. Девица разочарованно трянула головой, вылила помой свинье, дремавшей у крыльца, и резво скрылась в дверях.

Джейми остановился, прикрыв глаза от солнца, и всмотрелся в ряды огромных мачт. Я подошла ближе. Он неосознанно поправил штаны.

— Как там фамильные драгоценности? — пробормотала я, взяв его за руку.

— Неудобно, но в порядке, — заверил меня Джейми. Он вновь подергал шнурок ширинки и скривился. — Уж лучше бы в задницу запихал, честное слово.

— Скорее ты их сбережешь, чем я, мой друг, — улыбнулась я. — Меня-то быстрее ограбят.

Фамильные драгоценности... Ураган выбросил нас на берег Джорджии, вымокших до нитки, ободранных и без единого гроша — кроме пригоршни крупных драгоценных камней.

Я надеялась, что капитан «Красавицы» неплохо ладит с Джаредом Фрейзером и возьмет Иэна на борт юнгой, иначе нам придется туго.

По идее, в кисете Джейми и моем кармане скрывалось внушительное состояние. А по сути, эти камни для нас не полезнее обыкновенной пляжной гальки. Конечно, перевозить их легче, чем тяжелое золото, но как обменять на деньги?

В южных колониях большинство сделок совершали посредством бартера, а остальные — за деньги или векселя, выписанные на имя богатого купца или банкира. Но такие банкиры в Джорджии встречались редко. А уж те, кто хотел перевести накопления в драгоценности, и того реже. Преуспевающий рисовый плантатор, у которого мы жили в Саванне, уверял нас, что и сам едва наскребет два фунта стерлингов наличностью. Он говорил правду — во всей колонии вряд ли нашлось бы десять фунтов золотом и серебром.

По пути на север, в бесконечных болотистых равнинах и сосновых лесах, естественно, драгоценности продавать было некому. Наконец мы достигли Чарльстона — в городе такого размера уже водились торговцы и банкиры, способные «разморозить» часть наших сбережений.

Пот ручейками стекал у меня по шее, насквозь мокрое льняное платье липло к коже. В это время даже у гавани воздух застывал без единого ветерка, а запахи горячей смолы и рыбы становились невыносимыми.

Один камень Джейми отдал в знак благодарности, несмотря на возражения, мистеру и миссис Оливье, добрейшим людям, — после кораблекрушения волны выбросили нас буквально на их порог. Они приютили нас и снабдили фургончиком, двумя лошадьми, чистой одеждой для путешествия, провизией и горсткой наличных.

Теперь в моем кармане осталось шесть шиллингов и три пенса — вот, собственно, и все наши деньги.

— Дядя Джейми, сюда! — нетерпеливо позвал Иэн. — Покажу кое-что!

— Что там? — Джейми протолкнулся сквозь толпу потных рабов, которые грузили пыльные бруски сушеного индиго на корабль. — И как ты это «кое-что» раздобыл?

— Выиграл в кости, — послышался голос Иэна, невидимого за телегой с кукурузой.

— В кости?! Иэн, бога ради, нельзя играть в азартные игры, когда у тебя ни гроша за душой! — Стискивая мою руку, Джейми нырнул в толпу вслед за племянником.

— Дядя, ты сам все время играешь, — заметил Иэн, останавливаясь, чтобы мы его нагнали. — В каждой таверне и в каждом постоялом дворе, где мы были.

— Боже, Иэн, в карты же, а не в кости! И я знаю, что делаю!

— И я знаю, — самодовольно заявил мальчишка. — Я ведь выиграл, нет? Джейми закатил глаза, моля небеса о терпении.

— Господи... Как я рад, что отправлю тебя домой, пока ты без головы не остался. Обещай, что не станешь играть с моряками, слышишь? С корабля ты от них никуда не денешься.

Однако Иэн уже не обращал внимания. Он остановился у полусгнивших свай, обхваченных тросом, и кивнул на нечто у своих ног.

— Смотри, собака!

Я быстро шагнула за спину Джейми, не отпуская его руки.

— Иэн... — начала я, — это не собака, а волк. Чертовски огромный волк! Отойди, пока он от твоей задницы кусок не отхватил.

Волк презрительно дернул ухом, тяжело дыша от жары. Зверь не сводил желтых глаз с мальчика. Тот, кто не сталкивался с волками, мог бы принять такой взгляд за преданность. Но я-то уже с ними встречалась.

— Эти животные опасны, — продолжила я. — Только завидят — сразу бросятся.

Джейми наклонился к зверю.

— Это ведь не совсем волк, да?

Он с любопытством протянул так называемому псу костяшки пальцев — понюхать, познакомиться. Я зажмурилась. Вот-вот придется ампутировать руку... Однако криков не последовало. Джейми сидел на корточках и изучал нос пса.

— Красивый зверь, — заключил он, как ни в чем не бывало почесывая животное под подбородком. Желтые глазищи слегка прищурились. То ли от удовольствия, то ли в предвкушении того, каким Джейми окажется на вкус. Причем скорее второе, чем первое. — Покрупнее волка будет. Голова и грудь шире...

— Его мамка — ирландский волкодав. — Иэн, опустившись рядом с Джейми, принялся поглаживать мощную темную спину. — В течку как-то сбежала в лес, а потом вернулась...

— Ясно, ясно.

Джейми ласково забормотал по-гэльски, обращаясь к этому чудовищу. Оторвав огромную лапу от земли, он погладил мохнатые пальцы с изогнутыми когтями — в добрых два дюйма длиной, не меньше! Зверюга прикрыла глаза. Легкий ветерок ерошил густую шерсть на загривке.

Я глянула на Дункана. Тот выгнул бровь и со вздохом пожал плечами.

— Джейми... — подала я голос.

— Краса-а-авец! — похвалил Джейми волка. — А ты здоровяк, верно?

— А есть он что будет? — спросила я, наверное, чуть громче нужного.

— Ну... — Джейми с сожалением посмотрел на желтоглазого зверя. — Что ж. — Он поднялся на ноги, неохотно качая головой. — Боюсь, Иэн, твоя тетушка права. Как нам его прокормить?

— Ничего страшного, дядюшка, — заверил его мальчик. — Он сам охотится.

— Здесь? — Я окинула взглядом склады и покачивающиеся на воде корабли. — На кого же? На детей?

— Конечно, нет, тетушка, — слегка обиделся Иэн. — На рыбу.

Заметив три одинаково скептических лица, мальчик бухнулся на колени и, схватив морду пса двумя руками, заставил его распахнуть пасть.

— Правда! Клянусь, дядюшка! Понюхай, рыбой пахнет!

Джейми с сомнением покосился на внушительные клыки и почесал подбородок.

— Я... э-э... поверю на слово. Но все равно... Бога ради, Иэн, побереги пальцы! Мальчик ослабил хватку, и огромные челюсти тут же сомкнулись.

— Не волнуйся, дядюшка, — бодро проговорил Иэн, вытирая ладонь о штаны. — Он меня не укусит. А зовут его Ролло.

Джейми потер верхнюю губу костяшками.

— М-м-м... Неважно, как его зовут и что он ест; вряд ли капитан «Красавицы» будет рад видеть его в кубрике.

Иэн промолчал, но почему-то не перестал сиять. Даже еще больше обрадовался.

Джейми напрягся.

— Только не... — в ужасе начал он.

— Да, — отозвался Иэн. На угловатом лице расцвела довольная улыбка. — «Красавица» отплыла три дня назад. Мы опоздали, дядюшка.

Джейми проговорил что-то по-гэльски. Дункан тоже казался возмущенным.

— Черт! — воскликнул Джейми уже по-английски. — Черт побери!

Он стянул шляпу и с силой провел ладонью по лицу, взлохмаченный и жутко злой. Затем пробежал пальцами по волосам и дернул за ленту, которая стягивала их в хвост.

Иэн смутился.

— Прости, дядя... От меня не будет проблем, честное слово, я постараюсь. И работать я могу, сам себе на еду уж точно заработаю.

Смягчившись, Джейми тяжело вздохнул и похлопал племянника по плечу.

— Ты же знаешь, я и сам рад, когда ты поблизости, Иэн. Но что, черт возьми, скажет твоя матушка?

Иэн вновь просиял.

— Понятия не имею, дядя, — сказал он. — Говорить-то она будет в Шотландии, а мы здесь!

Мальчишка обнял Ролло. Волк, похоже, сильно этому удивился, но затем смачно лизнул ухо Иэна длинным розовым языком. На вкус попробовал, видимо.

— И вообще, — добавил мальчик, — она знает, что со мной все хорошо, ты сам ей написал из Джорджии, что я с тобой.

Джейми криво усмехнулся.

— Не очень-то ее это знание успокоит, Иэн!.. Мне чертовски нужно выпить, саксоночка, — повернулся он ко мне. — Пойдем искать таверну.

В полутемной «Плакучей иве» могло бы быть прохладно, да уж слишком много в нее набилось народу — моряков и тех, кто пришел сегодня посмотреть на казнь. Переступив порог, я вдохнула — и тут же поспешила выдохнуть. Как будто на лице вдруг оказалась грязная тряпка, пропитанная элем.

А вот Ролло сразу доказал свою полезность: толпа перед ним мгновенно расступалась. Еще бы: он гордо прошествовал вперед, скаля зубы в беззвучном рычании. Пес явно уже бывал в тавернах. Благополучно согнав всех с угловой скамеечки, он свернулся под столом и, кажется, собрался спать.

Спрятавшись от палящего солнца и получив огромную кружку темного пенящегося эля, Джейми мигом взял себя в руки.

— Есть два пути, — сказал он, отбрасывая влажные волосы со лба. — Либо остаемся в Чарльстоне — вдруг сумеем продать камень, и тогда отправим Иэна в Шотландию на другом корабле. Либо отправимся на север, в Кейп-Фир; если повезет, найдем корабль в Уилмингтоне или Нью-Берне.

— Я за север, — без колебаний отозвался Дункан. — У тебя же там родня? Не люблю долго среди чужих быть. Родня проследит, чтобы нас не обманули да не обворовали. А здесь... — Он приподнял плечо, красноречиво намекая, что вокруг нас не шотландцы, а значит, заведомо подлецы.

— Ох, поехали на север, дядюшка! — воскликнул Иэн прежде, чем Джейми успел вставить слово. — Там может быть опасно, так что лишний человек не помешает, верно?

Джейми уткнулся в кружку, но я сидела достаточно близко и почувствовала, как он содрогнулся. Джейми и правда любил племянника, однако этот парнишка вечно влипал во всякие истории.

Год назад Иэна похитили пираты; спасая его, мы окольными путями оказались в Америке. В последнее время, конечно, царило затишье, но Джейми не терпелось отправить своего племянника обратно к матери в Шотландию, пока тот снова куда-нибудь не вляпался.

— Э-э... разумеется, — опустил кружку Джейми. Хотя он старательно избегал моего взгляда, я все равно заметила, как у него подергивается уголок рта. — Ты, конечно, отличный помощник...

— А может, мы столкнемся с краснокожими! — распахнул глаза Иэн. Загорелое лицо светилось от предвкушения. — Или с дикими зверями! Доктор Штерн рассказывал, что в Каролине полно свирепых тварей: медведи, дикие кошки, страшные пантеры. И еще ужасное вонючее существо, которые индейцы зовут скунсом!

Я подавилась элем.

— Тетушка, ты как? — Иэн взволнованно перегнулся через стол.

— В порядке, — прохрипела я, протирая влажное лицо платком, а потом смахнула капли эля с груди и тайком оттянула корсаж в надежде чуть проветрить кожу.

Тайное изумление на лице Джейми сменилось легким беспокойством.

— Скунсы не опасны, — пробормотала я, опуская ладонь на его колено.

Искусный и бесстрашный охотник в родной Шотландии, Джейми с осторожностью относился к пока не изведанной фауне Нового Света.

— Хм... Может, и так, но остальные? Что-то я не горю желанием встретиться с толпой дикарей или медведем, когда под рукой лишь это. — Джейми коснулся длинного кинжала в ножнах, которые висели у него на ремне.

Да, оружия нам очень не хватало. Джейми ужасно переживал из-за этого на пути в Чарльстон, а упоминание об индейцах и диких зверях вновь его встревожило. У Фергуса был еще маленький клинок, годный лишь чтобы обрезать веревки да настругать щепок для растопки костра. Вот и все; к сожалению, супруги Оливье не нашли для нас ни лишних пистолетов, ни мечей.

По дороге сюда нам посчастливилось присоединиться к компании фермеров. Они, увешанные ножами, пистолетами и мушкетами, везли урожай риса и индиго в порт — отправлять на север, в Пенсильванию и Нью-Йорк. А если сейчас мы отправимся в Кейп-Фир, то будем одни, безоружные и беззащитные перед тем, что может вдруг выскочить из лесной чащи.

В то же время убедительные причины заставляли нас отправиться именно на север. В Кейп-Фире находилось самое большое в американских колониях поселение шотландских горцев. В нескольких городах жили переселенцы, уехавшие из Шотландии за последние двадцать лет, после битвы при Каллодене. Среди переселенцев была и родня Джейми, которая с удовольствием нас приютит: предоставит крышу над головой, постель и время, чтобы мы сумели найти себе место в этом новом мире.

Джейми снова отпил из кружки и кивнул Дункану.

— Знаешь, я с тобой согласен. — Он откинулся на стенку, небрежно окинув взглядом битком набитую таверну. — Чуешь, как в спину пялятся?

По моей собственной спине пробежал холодок. Дункан едва заметно распахнул глаза, потом прищурился, но не обернулся.

— Хм, — только и сказал он.

— Кто пялится? — спросила я, нервно осматриваясь.

Хотя никто не смотрел на нас открыто, это вовсе не значило, что никто не наблюдал за нами тайком. Таверну переполнял пьяный люд, и гул голосов заглушал все, кроме разве что сидящих совсем близко собеседников.

— Да кто угодно, саксоночка. — Джейми глянул на меня искоса и усмехнулся. — И не надо так пугаться. Ничего нам не грозит. По крайней мере здесь.

— Пока не грозит. — Дункан налил себе еще кружку эля. — Макдью окликнул Гэвина у виселицы, смекаешь? Кто-то его да заметил... Наш Макдью — парень видный, — добавил он сухо.

— И фермеры, которые прибыли с нами из Джорджии, уже наверняка продали запасы и теперь отдыхают за кружечкой эля, — проговорил Джейми, увлеченно разглядывая свою кружку. — Они люди честные... но все равно любят поболтать, саксоночка. Неплохая ведь история, как ребят принесло ураганом, а? Вдруг кто из них пронюхал, что у нас есть?

— Ясно, — буркнула я.

И в самом деле ясно. Теперь все знают, что мы как-то связаны с преступником, и сойти за неприметных путешественников больше не выйдет. Если затайем с поисками покупателя (что вероятно), то рискуем нарваться на грабителей или чрезмерный интерес английских властей. Ни то ни другое нам совсем ни к чему.

Джейми сделал большой глоток, затем со вздохом опустил кружку.

— Думаю, нам не стоит задерживаться в городе. Обеспечим Гэвину достойные похороны, а потом найдем спокойное место в лесу и переночуем. Завтра решим, останемся тут или двинем дальше в путь.

Перспектива снова ночевать в лесу, со скунсами или без, меня откровенно не радовала. Я уже восемь дней не вылезала из одного платья и как могла подмывалась, если мы останавливались вблизи ручья. Хотелось поспать в нормальной постели, даже если в ней будет полно блох. Отскрести вьевшуюся в кожу грязь после недельного путешествия. Однако Джейми прав. Я вздохнула, уныло глядя на серый, заношенный край рукава.

Двери таверны вдруг распахнулись: в переполненное помещение ворвались четверо солдат в красных мундирах. При полном параде, со штыками на мушкетах. Эти гости явно пришли не за элем или игрой в кости...

Двое солдат быстро обошли таверну, заглядывая под столы, третий скользнул на кухню. Четвертый остался на страже у дверей: светлые глаза метались от одного посетителя таверны к другому.

Джейми, внешне безмятежный, будто бы рассеянно попивал эль, но я заметила, как его ладонь под столом сжалась в кулак. Дункан не владел собой так хорошо, поэтому наклонил голову, чтобы скрыть лицо. Эти двое не могли спокойно сидеть в присутствии красных мундиров, и на то были серьезные причины.

Остальных людей солдаты почти не потревожили. Группка певцов у камина продолжила выводить бесконечную «Нальем полней бокалы», а между служанкой и парой подмастерьев разразился громкий спор.

Солдат вышел из кухни с пустыми руками и, грубо растолкав игроков в кости, присоединился к товарищам. Они повернулись на выход, как раз когда в двери протиснулась тощая фигурка Фергуса. Ему пришлось вжаться в косяк, чтобы не угодить под солдатские локти или приклады мушкетов.

Один из солдат заметил блеск металла и с интересом уставился на крюк, который заменял Фергусу левую кисть. Потом настороженно глянул на самого Фергуса, но вскинул мушкет на плечо и поспешил за остальными.

Фергус протиснулся сквозь толпу и рухнул на скамейку рядом с Иэном, изнывающий от жары и зной.

— Чертов кровопийца этот *salaud!* — заявил он без предисловий. Джейми вскинул брови.

— Священник, — перевел Фергус с родного французского.

Он схватился за кружку, которую придвинул к нему Иэн, и, мигом ее осушив, тяжело выдохнул. Впрочем, после этого он заметно повеселел.

— Десять шиллингов, чтобы Гэвина похоронили на церковном погосте! — воскликнул Фергус, утерев губы. — Причем церковь-то англиканская, естественно, католических здесь вообще нет. Торгаш жалкий! Знает, что у нас нет выбора. Хорошо, если тело хоть до заката долежит в приличном виде.

Он оттянул влажный от пота шейный платок, а потом постучал кулаком по столу, привлекая внимание сбившейся с ног прислуги.

— Сказал этой зажавшейся свинье, что решать платить или нет, будете вы. В крайнем случае похороним его в лесу. Правда, придется купить лопату, — хмуро добавил Фергус. — Скрыги-горожане знают, что мы не местные, так что до последней монетки обдерут, дай им волю.

Про последнюю монетку он оказался прав. Денег хватало расплатиться здесь и на провизию для путешествия на север. Может, еще на пару ночевок в каком-нибудь постоялом дворе. И все. Джейми мельком оглядел таверну, прикидывая шанс подзаработать на игре в карты или кости.

Лучше всего он играл с солдатами или моряками, но их здесь было мало. Скорее всего, весь гарнизон до сих пор прочесывал город в поисках беглеца. Небольшая компания в другом углу шумно распивала бренди. Двое мужчин пели, точнее, пытались петь, чем ужасно веселили товарищей. Джейми едва заметно кивнул в их сторону и снова повернулся к Фергусу.

— А пока куда ты дел Гэвина?

Фергус дернул плечом.

— В фургоне лежит. Обменял его одежду у ветошницы на саван. Она еще и согласилась обмыть тело. Не тревожьтесь, милорд, он в порядке. Пока что, — добавил Фергус, поднося очередную кружку эля к губам.

— Бедняга Гэвин. — Дункан Иннес приподнял кружку, салютуя падшему товарищу.

— *Sláinte!*¹, — отозвался Джейми, повторив жест. — Он не захотел бы лежать в земле в лесу.

— Почему? — полюбопытствовала я. — Наверное, ему уже все равно.

— Ох, нет, миссис Клэр, нельзя так поступить, — замотал головой Дункан.

Такое проявление чувств меня удивило — обычно Дункан был очень сдержан.

— Гэвин боялся темноты, — мягко пояснил Джейми и криво усмехнулся, когда я на него уставилась. — Я прожил с Гэвином Хэйзом почти столько же, сколько с тобой, саксоночка... и в куда более тесном жилище. Я хорошо его узнал.

— Ага, жутко не любил оставаться один в темноте, — согласился Дункан. — До смерти боялся... *tannagach*... как там, духов, да?

¹ Традиционный гэльский тост.

Его продолговатое, полное скорби лицо помрачнело. Перед глазами Дункана явно стояла тюремная камера, которую они с Джейми делили с Гэвином Хэйзом — и еще сорока заключенными — долгих три года.

— А помнишь, Макдью, как он однажды рассказал о встрече с призраком?

— Помню, Дункан, а лучше бы забыл. — Джейми содрогнулся, несмотря на жару. — Полночи после этого не спал.

— А что он рассказал, дядя? — округлил глаза Иэн. Щеки юноши пылали, а влажный от пота шейный платок смялся.

Джейми задумчиво потер подбородок.

— Ну... дело было в нашей Шотландии, поздней осенью, как раз перед приходом зимы. Когда даже в воздухе витает ощущение, что вот-вот ударят морозы. — Усмехнувшись, он откинулся назад с кружкой в руке. — Не то что сейчас. В общем, тем вечером сын Гэвина пригнал коров, однако одной не хватало. Парень рыскал и по холмам, и в лощинах... не нашел. Гэвин оставил его доить оставшихся двух, а сам отправился на поиски пропажи.

Джейми вертел в ладонях кружку, всматриваясь в темный эль, словно видел в нем родные горные пики и затянутые туманом долины.

— Он успел порядком отойти, и, когда оглянулся, дом уже скрылся из виду. Даже света в окне было не различить. И тишина — только ветер выл. Гэвин зашагал дальше по грязи и вереску. Под ногами потрескивал лед.

В тумане показалась рощица. Гэвин направился к ней, думая, что корова могла спрятаться под деревьями. Он говорил, там росли березы. Они стояли уже совсем без листьев, зато так сплелись ветвями, что приходилось наклоняться, чтобы пройти.

Итак, Гэвин вошел в рощу и понял — никакая это не роща, а кольцо деревьев. Высоких, ровных. Между ними ютились маленькие. Из веток образовалась самая настоящая стена. А в центре — могильник.

Несмотря на духоту таверны, у меня по спине опять побежал холодок. Я уже видела древние могильники в Шотландии. Рядом с ними даже днем не по себе.

Джейми отпил эля и вытер пот с виска.

— Бедняге Гэвину аж поплохело: он понял, где оказался. Старый могильник, такие выкладывают из обломков скалы, насыпают гору из камней. Странное место. А уж в темноте, на морозе... Гэвин видел перед собой черный провал входа. Он знал, что нельзя подходить близко, особенно без сильного берега. А у Гэвина — только деревянный крестик на шее. Поэтому он осенил им себя и ушел.

Джейми сделал еще глоток.

— Отходя от рощи, — проговорил он тихонько, — Гэвин расслышал за спиной шаги.

Иэн сглотнул и, не сводя глаз с дяди, на ощупь потянулся за кружкой.

— Гэвин шагал не оглядываясь, — продолжил Джейми. — Но то, что следовало за ним, не отставало. А когда он добрался до обледеневшего торфя-

ника — настолько холодная стояла погода, что лед трещал под ботинками, — сзади тоже раздавалось: «Кх! Кх!» Наконец Гэвин не выдержал, крепко сжал крестик и с громким криком повернулся к неведомому преследователю.

— И что же там было? — Зрачки Иэна расширились от изумления и выпитого эля.

Джейми глянул на парнишку, потом на Дункана и кивнул, чтобы тот продолжал.

— Гэвин говорил, там был словно человек, только без тела, — тихо сказал Дункан. — Весь белый, словно сотканный из тумана. А на месте глаз — здоровенные черные дыры. Такие, что от ужаса Гэвин чуть на месте не окошел.

— Но он выставил крестик перед собой и начал вслух молиться Деве Марии. — Джейми подался к столу. Тусклый свет камина очертил его профиль золотом. — И оно не смогло приблизиться. Замерло, наблюдая. Поэтому Гэвин стал пятиться, не решаясь поворачиваться спиной. Он спотыкался, боясь, что в любой момент упадет в речку или сорвется вниз со скалы, но больше всего он боялся повернуться к тому созданию спиной.

Гэвин шел и шел. Его ноги уже дрожали от усталости, когда он в конце концов различил в тумане огонек свечи в окне. Он радостно вскричал и бросился к дому, однако призрак оказался проворнее — метнулся мимо него и встал перед дверью.

Жена ждала Гэвина и, услышав его, тут же подошла к двери. Гэвин крикнул, чтобы она не выходила, а нашла что-нибудь, чтобы прогнать существо. Добрая женщина мигом выхватила горшок из-под кровати и ветку мирта, перевязанную красной и черной нитями, которую сделала, чтобы благословлять коров. А потом выплеснула воду на порог, и холодное нечто, взлетев, оседло лало дверной косяк. Гэвин рванул в дом, запер дверь и не выпускал жену из объятий до самого рассвета. Свеча горела в окне всю ночь. С тех пор Гэвин Хэйз больше никогда не выходил из дома после заката. Пока не отправился воевать за принца Терлаха.

Даже Дункан, уже слышавший историю, вздохнул. Иэн перекрестился, а потом смущенно оглянулся — никто не заметил.

— И теперь Гэвин ушел во тьму, — тихо сказал Джейми. — Мы не позволим ему лежать в неосвященной земле.

— А корову нашли? — поинтересовался практичный Фергус.

Джейми вскинул бровь, повернувшись к Дункану, и тот ответил:

— Ага, нашли. Обнаружили несчастную животину на следующее утро. Все копыта забились грязью и камнями, глаза навывкате, морда в пене, и бока выпирали, будто вот-вот лопнут. — Он глянул на меня, на Иэна, и снова на Фергуса. — По словам Гэвина, на ней будто съездили в ад и обратно.

— Господи... — Иэн от души хлебнул эля.

Я последовала его примеру. Пьяная компания в углу пыталась затянуть песню, но каждый раз лишь заливалась хохотом.

Иэн опустил кружку на стол.

— А что с ними случилось? — вдруг заволновался мальчишка. — С женой и сыном Гэвина?

Мы переглянулись с Джейми, и он коснулся ладонью моего бедра. Я и без слов понимала, что стряслось с семьей Хэйза. Только благодаря храбрости и непреклонности Джейми подобное не случилось со мной и нашей дочерью Брианной.

— Гэвин так и не узнал, — тихо отозвался Джейми. — О жене больше ничего не слышал... Наверное, умерла от голода. Или холода, если ее выселили. Сын сражался бок о бок с Гэвином у Каллодена. Как только в камеру бросали человека, бывшего там же, Гэвин спрашивал: «А ты не видал часом паренька — Арчи Хэйз зовут, вот такого роста?» — Джейми механически повторил жест Гэвина, подняв руку футов на пять от пола. — Лет четырнадцать пареньку, носит зеленый пледик с небольшой золотой фибулой», — говорил он. Никто ничего не знал.

Джейми сделал глоток эля, не сводя глаз с британских офицеров, которые устроились в другом углу. На улице уже темнело, так что они явно отдыхали после дежурства. Кожаные платки на шеях были размотаны из-за жары. Под мундирами поблескивало личное оружие, почти черное в полумраке.

— Гэвин надеялся, что парня просто схватили и отправили работать в колонии, — сказал Джейми, — как брата.

— Должны же быть какие-то записи? — спросила я. — Они вели... ведут... у них есть списки?

— Вели, — согласился Джейми, по-прежнему наблюдая за солдатами. На его губах мелькнула горькая усмешка. — Это меня и спасло после Каллодена. Прежде чем пристрелить, они спросили мое имя, чтобы добавить в список. Но такой, как Гэвин, вряд ли сумел бы заглянуть в английские списки погибших. А если и сумел бы, то, наверное, не пожелал бы смотреть. Разве хотела бы ты узнать наверняка, что там числится твой ребенок?

Я покачала головой, и Джейми легонько стиснул мою руку. В конце концов, наша дочь в безопасности. Джейми осушил свою кружку и поманил прислугу.

Девушка принесла еды, стараясь держаться от стола подальше из-за Ролло. Зверь без движения лежал в ногах, пристроив огромный лохматый хвост мне на ступни. Желтые глаза неотрывно следили за происходящим в таверне. Проследили они и за девушкой, которая пятилась, нервно поглядывая на пса, пока не оказалась на безопасном расстоянии от его клыков.

Джейми с сомнением уставился на эту так называемую собаку.

— Может, он голодный? Попросить для него рыбы?

— Нет, дядя, не надо, — успокоил его Иэн. — Ролло сам ловит себе рыбу.

Джейми вскинул брови, но в ответ только кивнул. Бросив еще один подозрительный взгляд на пса, он взял с подноса тарелку жареных устриц.

— А-а, какая жалость. — Дункан уже успел порядком напиться. Он привалился к стене, а безрукое плечо задралось выше другого, что делало его по-

хожим на горбуна. — Почему такой замечательный малый, как Гэвин, должен был так кончить!

Он печально замотал головой над кружкой.

— Семьи не осталось, никто не оплачет, совсем один в чужой стране... Повесили как преступника, да еще и похоронят в неосвященной земле. Даже погребальную песнь ему не споют как положено!

Схватив кружку, Дункан с трудом поднес ее ко рту, сделал приличный глоток и со стуком опустил на стол.

— Нет, пусть услышит свою песнь! — Он воинственно оглядел Джейми, Фергуса и Иэна. — Почему бы и нет?

Джейми еще не напился, но и уже не был трезв.

— И в самом деле! — отозвался он. — Только петь, Дункан, придется тебе. Остальные Гэвина не знали, а из меня певец никакой. Хотя подпевать буду.

Дункан кивнул с важным видом, не сводя с нас покрасневших глаз. А потом вдруг запрокинул голову и завыл. Я подскочила на месте, облившись элем, а Иэн с Фергусом, явно уже слыхавшие шотландские погребальные песнопения, и ухом не повели.

Посетители таверны взметнулись на ноги, хватаясь за оружие. Служанка, округлив глаза, выглянула из-за стойки. Ролло проснулся с оглушительным «гав!» и начал озираться, скаля зубы.

— *Tha sinn cruinn a chaoidh ar caraid, Gabbainn Hayes*, — прогремел Дункан хриплым баритоном.

Мои познания в гэльском помогли понять это как: «Мы собрались здесь, дабы воззвать к Небесам и оплакать нашего утраченного друга, Гэвина Хэйза!»

— *Èisd ris!* — отозвался Джейми.

— *Rugadh e do Sheumas Immanuel Hayes agus Loisa N'ic a Liallainn an am baile Chill-Mhartainn, ann an sgìre Dhun Domhnuill, anns a bhliadhnaeachd ceud deug agus a haon!*

Он был рожден у Симуса Эммануила Хэйза и Луизы Маклиллан в деревне Килмартин церковного прихода Додэнил, в году тысяча семьсот первом от Рождества Христова!

— *Èisd ris!* — в этот раз гаркнули и Фергус с Иэном, что грубо переводилось как «услышьте его!».

Ролло плевать хотел на куплеты с припевами. Пес прижал уши, сощурил желтые глаза; Иэн успокаивающе потрепал его по голове, и зверь вновь улегся, тихонько рыча себе под нос. Явно всех проклиная по-волчьи.

Посетители таверны удостоверились, что опасность им не грозит, и сели, наслаждаясь новым представлением. Нестройное пение компании в углу всех давно уже утомило. К тому времени, как Дункан принялся перечислять поименно овец, принадлежавших Гэвину Хэйзу, пока тот не отправился за своим лэрдом к Каллодену, многие вокруг дружно орали «*Èisd ris!*» и стучали кружками по столам, хотя совершенно не понимали, о чем идет речь. И хорошо.

Дункан, весь взмокший и как никогда пьяный, злобно уставился на солдат за соседним столом.

— *A Shasunnaich na galladh, 's olc a thig e dhuibh fanaird air bàs gasgaich. Gun toireadh an diabhl fhein leis anns a bhàs sibh, dìreach do Fhirinn!!*

Грязные саксонские псы, пожиратели мертвечины! Да падет на вас мор, ведь вы радовались смерти доброго человека! Пусть сам дьявол явится вам в последний час и утащит прямиком в ад!

На этих словах Иэн слегка побледнел, а Джейми прищурился, но оба бодро рывкнули «*Eisd ris!*» вместе со всей толпой.

Вдохновленный, Фергус пустил шляпу по кругу. Народ, подогретый элем и весельем, с удовольствием швырял в нее медяки, даже не подозревая, за какую песню так благодарят.

Хоть я и умела пить наравне с мужчинами, мочевого пузырь у меня был куда меньшего размера. Голова кружилась от шума и духоты не меньше, чем от выпитого, но я все же протиснулась сквозь толпу и вышла на свежий воздух.

Солнце давно опустилось за горизонт, однако на улице по-прежнему было жарко и почти нечем дышать. Правда, хоть не так людно.

Облегчившись, я с кружкой в руках присела на колоду для рубки дров. Ночь стояла ясная, яркий полумесяц заливал гавань серебром. В свете окон таверны виднелся наш фургон, где, судя по всему, лежало по всем приличиям завернутое в саван тело Гэвина Хэйза. Думаю, ему понравилась зауспокойная песнь.

Дункан наконец выдохся. Вместо него запел чистый тенор. Он пьяно подрагивал, но звучал все равно приятно, перекрывая болтовню знакомой мелодией.

К Анакреону в раю, где он от души пировал,
Гармонии дети обратились с посланьем.
Чтоб он их вдохновлял, чтобы их защищал.
И веселый старик им вот что завещал:

«Пой, играй веселей,
Себя не жалея,
А я вас всегда вдохновлю».

Голос певца сорвался на «пой, играй веселей».

«А еще, я вас научу заодно
Мешать, как я, мирт и вино!»

Я отсалютовала передвижному гробу кружкой, тихонько повторяя за певцом последние строки:

А знамя со звездами вьется ль, скажи,
Над землей для свободной и смелой души?

А потом осушила кружку и осталась сидеть, ожидая, когда выйдут мои спутники.

Глава 2

МЫ ВСТРЕЧАЕМ ПРИЗРАКА

— Десять, одиннадцать, двенадцать... и два, и шесть... один фунт восемь шиллингов шесть пенсов и два фартинга! — Фергус торжественно опустил последнюю монетку в кисет и, затянув шнурок, вручил его Джейми. — И три пуговицы, — добавил он, — но они здесь. — Фергус похлопал по карману.

— Заплатила хозяину за ужин? — спросил Джейми, взвешивая кисет на ладони.

— Да, — успокоила его я. — У меня осталось четыре шиллинга и шесть пенсов к тому, что насобирал Фергус.

Тот скромно улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

— Тогда нам хватит на похороны, — сказал он. — Сейчас повезем месье Хэйза к священнику или подождем до утра?

Джейми хмуро глянул на фургон, стоящий у таверны, потом на растущую луну.

— Священник-то уже спит, наверное. Хотя...

— Не стоит его возить за собой, — перебила я. — Не в обиду будь сказано... — поспешно извинилась я перед фургоном и его ношей. — Но если нам придется спать в лесу, то... эм... запах...

Сейчас, конечно, мы ничего не чувствовали, однако стоило отойти от задымленной таверны, как душок из фургона сразу становился заметным. Все-таки Гэвин умер нелегко, а день был очень жарким.

— Тетушка Клэр права, — согласился Иэн, незаметно вытирая нос костяшками пальцев. — Нам дикие звери ни к чему.

— Не можем же мы оставить Гэвина тут! — возразил пораженный Дункан. — Что, бросим его на ступеньках таверны прямо в саване, как найденыша в пеленках?! — Он опасно зашатался. Дункан и без алкоголя плохо держал равновесие.

Губы Джейми изумленно дрогнули. Луна высветила тонкую переносицу.

— Нет, мы его не бросим. — Он сунул звякнувший кисет в карман. — Сами похороним. Фергус, сходи-ка в конюшню, ладно? Может, тебе там продадут лопату по дешевке.

Наш краткий путь к церкви по тихим улочкам Чарльстона не был похож на обычную траурную процессию, потому что Дункан настойчиво повторял лучшие фрагменты заубойной песни.

Джейми пустил лошадей шагом, лишь изредка понукая. Шатающийся Дункан брел, распевая куплеты и сжимая узду одной лошади, а Иэн придерживал другую, чтобы та не рванула вперед. Мы с Фергусом почтенно замыкали процессию. Он, с только что купленной лопатой наперевес, вполголоса мрачно предсказывал, как нас всех на ночь бросят в тюрьму за нарушение городского покоя.

Церковь высилась в конце улочки, на приличном расстоянии от крайнего дома. Как раз нам на руку, ведь мы не хотели привлекать внимания. Правда, поэтому же на кладбище у церкви было темно, хоть глаз выколи. Ни фонаря, ни свечи — крошечная тьма.

Над воротами нависали огромные магнолии с пожухшими от жары листьями. Ряд сосен днем так и манил отдохнуть в тени, а ночью не пропускал ни капли лунного света. Будто не кладбище, а... склеп.

Идти сквозь эту темноту — как раздвигать собой шторы из черного бархата, слегка пахнущие смолой от нагретых на солнце сосен, бесконечные слои чего-то мягкого, удушающего... Полная противоположность холодной чистоте Шотландии. Однако под кирпичными стенами клубился едва заметный туман, и я, к несчастью, живо вспомнила историю о приключении Гэвина Хэйза, которую поведал Джейми.

— Дункан, останься с лошадьми. — Джейми соскользнул с козел. — Может, найдем хорошее местечко у стены... — проговорил он, ведя меня за руку к воротам. — Мы с Иэном раскопаем, а Фергус постоит на страже.

— А Дункан? — Я оглянулась. — С ним все будет в порядке?

Шотландца уже не было видно — долговязая фигура слилась с фургоном и лошадьми, зато слышно его было отлично.

— Будет главным плакальщиком, — отозвался Джейми с тенью улыбки в голосе. — Пригнись, саксоночка.

Я машинально наклонила голову и прошла под низкой веткой магнолии. Интересно, Джейми и правда видел в полной темноте? Он никогда не спотыкался, даже при полном отсутствии света.

— А ты не думал, что свежую могилу сразу заметят?

Выйдя из-под магнолий, я все-таки различила смутные очертания надгробий. У их подножий над густой травой тоже расплзался легкий туман.

Подошвы ног закололо, пока мы короткой дорогой пробирались к стене церкви. Словно из-под земли доносился немой упрек за наше неприличное вторжение. Я случайно зацепила надгробие лодыжкой и закусил губу — уж очень хотелось вслух извиниться перед лежавшим под ним человеком.

— Наверняка заметят. — Джейми отпустил мою руку и полез в карманы сюртука. — Но если священник хотел денег за похороны, то не думаю, что он будет за просто так выкапывать Гэвина, правда?

Сбоку от меня вдруг возник Иэн. Я вздрогнула.

— У северной стены есть место, дядюшка, — сказал он тихонько, хотя вокруг, кроме нас, не было ни души, и слегка придвинулся ко мне. — Ух, как здесь темно, — неуверенно пробормотал мальчишка.

Он выпил почти столько же, сколько Джейми или Фергус, однако в старших мужчинах эль пробудил мрачное чувство юмора, а вот Иэн явно приуныл.

— Ага, темно. Я прихватил из таверны огарок свечи, погоди.

Раздался легкий шорох — Джейми нашел камень и трутьницу. В темноте мне чудилось, что я и сама бесплотна, как призрак. Над головой сияли звезд

ды, но их свет не достигал земли, застревая в душном воздухе, и они выглядели бесконечно далекими и одинокими.

— Как всеночная перед Пасхой, — негромко заговорил Джейми, чиркая кремнем. — Однажды видел службу в соборе Парижской Богоматери. Иэн, камень!

Звук удара и приглушенный стон возвестили, что мальчишка самостоятельно обнаружил преграду.

— Внутри было совсем темно, — продолжал Джейми, — но на входе прихожане покупали небольшие свечки у старух. Похоже на... — я скорее почувствовала, чем увидела, как он указал вверх, — на небо сейчас. Огромное пространство над головой, звенящая тишина, море людей вокруг.

Несмотря на духоту, я невольно содрогнулась от его слов. Они напомнили о множестве мертвецов, лежащих бок о бок прямо под нашими ногами, терпеливо ожидая грядущего воскрешения.

— А потом, когда я уже едва мог выносить тишину и толчею, у дверей слышался голос. Священник провозгласил: «Христос воскрес! Да будет свет!» Служки тут же зажгли огромную свечу в его руках, а от нее и свои свечки и засновали по рядам, передавая пламя всем верующим.

От кремня летели слабые искры, освещая руки Джейми.

— И собор ожил тысячей крошечных огоньков. Но именно та, первая свеча прорвала тьму.

Чирканье прекратилось, и Джейми убрал ладонь, прикрывавшую новорожденное пламя. Оно набрало силу и осветило его лицо снизу, бросая золотистые отблески на лоб и высокие скулы.

Приподняв свечу, Джейми оглядел смутные очертания крестов, таких же зловещих, как и каменные надгробия.

— Да будет свет, — тихо сказал он, склоняя голову перед гранитным памятником, — покойся с миром, друг.

Он говорил серьезно, уже без полунасмешливой нотки, и я вдруг почувствовала странное спокойствие, как будто некий призрачный наблюдатель наконец отступил.

Джейми улыбнулся и протянул мне свечу.

— Поищи деревяшек для факела, саксоночка, — сказал он. — А мы с Иэном будем по очереди копать.

Я все равно напоминала себе расхитителя могил, пока стояла с факелом под деревом и наблюдала, как юный Иэн и Джейми по очереди роют могилу. Их обнаженные спины поблескивали от пота.

— Студенты-медики раньше платили людям, чтобы те крали для них свежие трупы с кладбищ, — заметила я, протягивая свой испачканный носовой платок Джейми, который, кряхтя, выбрался из ямы. — Только так они могли попрактиковаться в анатомировании.

— Платили? — отозвался Джейми. Он вытер лицо и покосился на меня. — Или платят?

К счастью, в темноте Иэн не заметил, как я вспыхнула. Не в первый раз я вот так оговаривалась, и явно не в последний. Чаще всего подобные оплошности вызывали не более чем удивленные взгляды, или их вообще не замечали. Ведь о том, откуда они берутся, никто даже при всем желании не догадался бы.

— Наверное, они и сейчас подобным занимаются, — выкрутилась я.

Я содрогнулась от мысли о необходимости работать с только что извлеченным телом. Уже тронутым разложением, покрытым грязью оскверненной могилы. Набальзамированные трупы на стерильных стальных столах, конечно, тоже не особо приятны, но их вид по крайней мере не демонстрировал смерть во всей ее гниющей красе.

Резко выдохнув через нос, я попыталась отогнать от себя такие живые воспоминания о запахах. А когда снова вдохнула, то почувствовала только сырую землю, горячую смолу и ее прохладный отголосок — аромат самих сосен над головой.

— А еще они забирают нищих и преступников из тюрем. — Иэн явно нас расслышал. Он, скорее всего, ничего не понял, однако воспользовался возможностью передохнуть: утер лоб и оперся на черенок лопаты. — Папа рассказывал. Однажды его арестовали, отправили в Эдинбург и заперли в Толбуте, в камере с тремя заключенными. Так вот один из них страдал от чахотки. Кашлял ужасно, спать совсем не давал. И как-то ночью кашель прекратился — несчастный умер. Но папа сказал, что они все тогда слишком вымотались, поэтому смогли лишь прочитать над ним молитву и сразу же заснули.

Мальчик умолк и почесал нос.

— Потом папа вдруг проснулся оттого, что его поднимают за руки, за ноги. Начал пинаться и орать так, что его вырвали, и он грохнулся головой прямо о каменный пол. Сел, значит, потирая макушку, и понял, что смотрит на доктора из местной больницы и двух ребят, которых тот снарядил с собой, чтобы забрать тело на вскрытие.

Юный Иэн широко усмехнулся воспоминаниям, убирая с лица влажные от пота волосы.

— Папа говорил, что не знал, кого больше боялся: доктора или парней, выбравших не то тело. Доктор-то сожалел: мол, из папы вышел бы более любопытный образец. Ну, одноногий, все такое.

Джейми рассмеялся, потягиваясь, чтобы расслабить плечи. Перепачканный, да с повязанным на голове платком, чтобы волосы не мешались, он выглядел ничем не лучше расхитителя могил.

— Ага, помню эту историю. Теперь Иэн-старший всех докторов считает упырями и садистами и ничего общего с ними иметь не желает.

Джейми усмехнулся, глядя на меня. В своем времени я была врачом, причем хирургом; здесь же я могла выдавать себя лишь за знахарку, сведущую в травах.

— К счастью, я каких-то там упырей не боюсь, — сказал Джейми и быстро меня поцеловал.

Его губы были теплыми, с привкусом эля. По груди стекал пот, цепляясь за завитки волос. В тусклом свете на коже темнели соски. Я вздрогнула, но вовсе не от холода или зловещей обстановки. Джейми заметил. Наши взгляды встретились. Он глубоко вздохнул, и я вдруг почувствовала всю тесноту корсажа и тяжесть собственной груди под пропитавшейся потом тканью.

Джейми слегка шевельнулся, пытаясь встать так, чтобы и без того узкие штаны не давили на плоть.

— Вот черт... — тихонько выругался он и отвел взгляд, печально улыбаясь.

Так бывает. Внезапная вспышка похоти — частая, пусть и странная реакция на близость смерти. Такое случается и у солдат после боя, и у врачей после тяжелой работы по локти в крови. Может, Иэн и прав, доктора те еще упыри...

Джейми коснулся моей спины, и я вновь вздрогнула. От резкого движения с факела посыпались искры. Джейми забрал его и кивнул на надгробие рядом.

— Присядь, саксоночка. Тебе вредно столько стоять.

Во время кораблекрушения я заработала трещину в большеберцовой кости левой ноги, и нога до сих пор иногда болела.

— Все хорошо, — отозвалась я, однако шагнула к надгробию, по пути легонько задев Джейми.

Он излучал жар, но на ощупь его кожа была прохладной — ее остудил выступивший пот. Джейми покрылся мурашками от моего касания. Я сглотнула, отгоняя внезапное видение: темнота, страстные объятия, смятая трава...

Джейми приласкал мой локоть, помогая усесться на камень. Рядом обнаружился Ролло. Он тяжело дышал от духоты, на клыках поблескивали капли слюны, желтые глаза прищурились.

— Даже не думай, — отрезала я, щурясь на пса в ответ. — Укусишь — я тебе туфлю в пасть затолкаю, подавишься.

— Гав, — негромко ответил Ролло. Он устроил морду на лапах, но мохнатые уши стояли торчком, готовые уловить малейший шорох.

Лопата с тихим чавканьем вошла в землю у ног Иэна. Выпрямившись, юноша вытер пот с лица грязной ладонью, шумно выдохнул и по-собачьи вывалил язык, изображая усталость.

— Ага, уже хватит, — кивнул Джейми на его безмолвную мольбу. — Пойду за Гэвином.

Фергус нахмурился.

— А вы сами донесете тело, милорд? — произнес он, явно не желая с этим связываться.

— Справлюсь, — криво улыбнулся Джейми. — Гэвин небольшого роста. А вот факел понадобится. Посветишь мне?

— И я пойду, дядя! — Иэн мигом выкарабкался из могилы. — На всякий случай, вдруг помочь надо, — добавил он, запыхавшись.

— Боишься один в темноте остаться? — съязвил Фергус.